

Онъ сердце дѣвы молодой  
 Опуталъ сѣтью роковой.  
 Какъ онъ умѣлъ слезой притворной  
 Къ себѣ довѣренность вселять,  
 Насмѣшкой скромность побѣждать,  
 И, побѣждая, видѣ покорный  
 Хранить—илъ весь огонь страстей  
 Мгновенно открывать предъ ней!..  
 Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ  
 Ея желанья; вѣдалъ онъ,  
 Что быть не могъ ея супругомъ,  
 Что раздѣлять ихъ нашъ законъ—  
 И обольщенная упала  
 На грудь убійцы своего!  
 Кромѣ любви, она не знала,  
 Она не знала ничего...

## XXVI.

«Но скоро скуку пресыщенья  
 Постигъ виновный Измаиль.  
 Таиться не было терпѣнья,  
 Когда погасъ минутный пылъ:  
 Оставилъ жертву обольститель  
 И удалился въ край родной,  
 Забывъ, что есть на небѣ мститель,  
 А на землѣ еще другой!  
 Моя рука его отыщетъ  
 Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,  
 И казни грозный мечъ просвищетъ  
 Надъ непреклонной головой.  
 Пусть ликъ одежда измѣняется!..  
 Не взоръ—душа врага узнаетъ!..

## XXVII.

«Черкесь! ты понялъ, вижу я,  
 Какъ справедлива месть моя.  
 Ужъ на устахъ твоихъ проклятыя!  
 Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!..  
 О, если бъ могъ пересказать я,  
 Изобразить ужасный часъ,  
 Когда прелестное созданье  
 Я въ униженьи увидать  
 И безотчетное страданье  
 Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!..  
 Она разсудокъ потеряла:  
 Рядилась, плѣла и плясала,  
 Иль сидя молча у окна,  
 По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,  
 Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,  
 Ждала измѣнника она.  
 Вся жизнь погибшей дѣвы милой  
 Остановилась на быдомъ;  
 Ея безумье даже было  
 Любовь къ нему и мысль о немъ...  
 Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!..  
 И долго русскій говорилъ  
 Про месть, про счастье, про измѣну.  
 Его не слушалъ Измаиль.  
 Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый,

Что подъ спокойною личиною  
 Тогда происходило въ немъ.  
 Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ  
 (Хоть сердце гордое и взгляды  
 Не ждали отъ небесъ отрады),  
 Лежалъ онъ на землѣ сырой,  
 Какъ та земля, и мрачный и нѣмой

## XXVIII.

Видали-ль вы, какъ хищные и злые  
 Къ оставленному трупъ, въ тихій дождь,  
 Слетаются наслѣдники земные,  
 Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?  
 Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,  
 Когда, столпясь, всѣ адскія мученья  
 Слетаются на сердце и грызутъ!  
 Вѣка печали стоять тѣхъ минутъ...  
 Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилей;  
 Таковъ съ душой кто слабою рождень:  
 Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;  
 Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,  
 Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.  
 Не сгладитъ время ихъ глубокой слѣды:  
 Все въ мірѣ есть—забвенья только нѣтъ..

## XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговые  
 На небосклонѣ голубомъ  
 Зубцы подъемлютъ золотые;  
 Слиялся съ утреннимъ лучомъ  
 Края волнистаго тумана,  
 И на верху горы Шайтана  
 Огонь, стыдись передъ зарей,  
 Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,  
 Какъ передъ смертію больной,  
 Угрюмый князь съ земли сырой.  
 Казалось, вспомнить онъ старался  
 Разсказъ ужасный, и желалъ  
 Себя увѣрить онъ, что спалъ;  
 Желалъ бы счесть онъ все мечтою,  
 И по челу провелъ рукою;  
 Но грусть—жестокій властелинъ!  
 Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

## XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непременно  
 Пришельцу быть проводникомъ;  
 Не зная думать что о немъ,  
 Согласенъ юноша смущенный.  
 Идутъ они глухимъ путемъ;  
 Но ихъ тревожитъ все: то птица  
 Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,  
 То краснобогая лисица  
 Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.  
 Они все ниже, ниже сходятъ  
 И рукъ отъ сабель не отводятъ.  
 Черезъ опасный переходъ  
 Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;  
 И вновь на холмъ крутой взойти—